

УДК 80/81
ББК 81

**ДВЕ РЕДАКЦИИ
РОМАНА
«ФИРДОУСИ»
С. УЛУГ-ЗАДЕ**

Мурувватиён Джамила Джамол,
к. филол. н., научный сотрудник отдела
современной литературы Института языка и
литературы им. Рудаки НАН Таджикистана

**ДУ ТАҲРИРИ
РОМАНИ
“ФИРДАВСӢ”- И
С. УЛУҒЗОДА**

Мурувватиён Чамила Чамол, н.и.филол., корманди
илмии шуъбаи адабиёти муосири Институти забон
ва адабиёти ба номи Рӯдакии Академияи миллии
илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон

**TWO RECENSIONS
OF S.ULUGZODA'S
NOVEL
“FIRDAWSI”**

Muruvvatiyon Jamila Jamol, candidate of philological
sciences, scientific officer of the section of modern
literature under the Institute of language and literature
named after Rudaki attached to the National Academy
of Sciences of Tajikistan **E-MAIL:** Alika-xan@mail.ru

Ключевые слова: текстология, роман «Фирдоуси», творческая концепция автора, первая редакция, вторая редакция, трансформационные процессы, идейно-композиционные изменения

Дан подробный текстологический анализ двух редакций романа Сотима Улуг-заде «Фирдоуси» (1988 и 1991 гг.). Выявлены изменения, вошедшие во вторую редакцию после её корректировки писателем. Цель исследования – определить круг изменений, введенных во вторую редакцию романа. Научная новизна заключается в изучении трансформативных процессов в тексте романа «Фирдоуси» при подготовке к изданию его второй редакции. Приводятся примеры произведений таджикской литературы, подвергнутых повторной редакции, например повесть С. Айни «Смерть ростовщика». Принцип анализа строится на сравнении двух текстов, при этом выполнен подстрочный перевод сравниваемых отрывков. Определено, что в переработанном издании писатель не изменил основного содержания и направленности романа. Отмечено, что некоторые слабые моменты в переработке романа не отразились на его идейном содержании и художественных особенностях. Выявлены лексические, сюжетные, идейно-композиционные изменения во второй редакции, что свидетельствует об изменении творческой концепции писателя.

Калидвожаҳо: танқиди матнӣ, романи "Фирдавсӣ", равиши эҷодии муаллиф, тағироти лугавӣ, сюжетӣ, гоҷавӣ ва таркибӣ, наири аввал, наири дувум

Тағйироте, ки ба таҳрири дувуми роман баъди тасҳеҳи муаллиф ворид гардидаанд, муайян карда шудааст. Мақсади тадқиқ муайян кардани тағйиротест, ки муаллиф ба таҳрири дувуми роман ворид сохтааст. Навовариҳои мақола дар омӯзиши равандҳои трансформативӣ дар матни романи "Фирдавсӣ" ҳангоми ба наишр омода соختани таҳрири дувуми китоб зоҳир мешавад. Аз таърихи адабиёти муосир намунаҳои таҳрири дувуми баъзе асарҳо, аз ҷумла "Марги судхӯр"-и С.Айнӣ зикр шудаанд. Усули таҳлилро муқоисаи ду матн ташиқил мекунад. Зимнан қитъаҳои мавриди муқоиса тарҷумани сатр ба сатр шудаанд. Муайян гардидааст, ки дар наири такмилёфта нависанда ба мундариҷаи асосӣ ва самтияти асар тағйирот надаровардааст. Зикр гардидааст, ки баъзе лаҳзаҳои заифи таҳрири тақрорӣ роман ба мундариҷаи гоҷавӣ ва вижагиҳои бадеии он таъсир нарасондаанд. Дар таҳрири дувум тағйироти сюжетӣ, гоҷавию композиционӣ ошкор карда шудаанд, ки аз дигаргун шудани концепсияи эҷодии нависанда шаҳодат медиҳанд.

Key-words: *textology, the novel «Firdawsi», creative conception of the author, the first recension, the second recension, transformational processes, ideological-compositional changes.*

The article provides a detailed textual analysis of two editions of one novel by Sotim Ulugzoda «Firdawsi». By comparing the two editions (1988 and 1991), the author of the article reveals all the alterations that were included in the second edition after its correction by Sotim Ulugzoda himself. The objective of the study is to determine the range of changes introduced by the writer into the second recension of the novel «Firdawsi». Scientific novelty lies in the study of transformative processes in the text of the novel “Firdawsi” during the preparation of the second edition. It is noted that this is not for the first time in the history of the Tajik literature when the author of a work, after a while, returns to revision of his brainchild. Examples are given from those productions of the Tajik literature that underwent re-edition, e.g., the narrative of S. Aini «Death of the Usurer». The principle of analysis in the article is based on a comparison of two texts; hereby, word-for-word translation of both recensions being adduced. As a result, it was determined that in the revised edition, as in the first edition, S. Ulugzoda did not change the main content and streamline of the novel. As the textual analysis has shown, some of the weaknesses of the novel noted in the article did not affect the principal ideological content and artistic features of the work in its second variant. In the course of the analysis the author of the article elicited some lexical, ideological and compositional changes in the second edition, the issue of the plot inclusive. The fact testifies to the change concerned with the creative conception of the writer.

Доработка произведений в истории мировой литературы – событие естественное. Подготавливая произведения к новым публикациям, писатели стремятся довести их до совершенства как в плане стилистики и содержания, так и словарного состава. Случается и так, что некоторые писатели по истечении некоторого времени производят и своего рода реконструкцию композиции переиздаваемого произведения.

Ярким примером тому в современной таджикской литературе может служить «Смерть ростовщика» С. Айни. Новая редакция повести «Смерть ростовщика» (1952 г.) показывает, что С. Айни задался целью произвести изменения не только в языке и стиле, но и в композиции своего произведения [1; 2; 4; 5; 6; 9]. Отмечая это, конечно, мы в первую очередь подразумеваем и мировую известность данного произведения, занявшего почетное место рядом с такими признанными творениями сатирического жанра, как «Гобсек» О. де Бальзака, «Скупой рыцарь» А.С. Пушкина, «Мёртвые души» Н.В. Гоголя, «Господа Головлевы» С. Щедрина, «Хаджи-ага» Садека Хедаята. Такое признание повесть получила благодаря упорному труду писателя в период 1936-1952 гг. [4; 7].

Текстологическому анализу художественного текста посвящены многочисленные научные и научно-методические исследования русских ученых, среди которых особо выделяются работы Ю. М. Лотмана [7], Л. А. Новикова [8], Б. Ф. Егорова [3], Р. О. Якобсона [15] и др. В таджикском литературоведении эти вопросы частично затрагиваются в трудах М. Шукурова [14], Х. Шарипова [13, с. 136-150], А. Кучарова [5; 6], М. Ходжаевой [12] и др.

В период между первым и вторым изданием этого произведения С. Айни располагал достаточным временем и при новой редакции не только заметно развил творческое мастерство, но и обогатил его. Однако история литературы располагает и такими примерами, когда для повторного издания произведения совершенствовались авторами в довольно короткий промежуток времени.

Роман Сотима Улуг-заде «Фирдоуси» относится к этому ряду, и поэтому мы ставим задачу выявить общие особенности и различия в двух редакциях этого произведения.

Впервые полный текст романа был вынесен на суд читателей в журнале «Садои Шарк» (1986, № 10-11). В 1988 году роман был издан издательством «Адиб». По истечении некоторого времени, в 1991 г., произведение было издано вновь, с пометкой на титульном листе: «с доработками и дополнениями».

Примечательно, что и книга «Шахнаме» в 1010 г. также была подвергнута автором редактированию. К этому времени А. Фирдоуси был уже немолод, а нужда, неудачи и потеря любимого сына, так же, как это случилось и в жизни современного писателя Сотима Улуг-заде, состарили его раньше времени. Ирония ли это судьбы, или история находит своих сказителей не случайно?

Итак, приступая к анализу, прежде всего попытаемся выявить доработки и уточнения, внесенные Сотимом Улуг-заде при подготовке произведения к новому изданию.

Сотим Улуг-заде – известный писатель, творчество которого входит в сокровищницу произведений на таджикском языке. Его произведения доставляют не только эстетическое удовольствие, но и заметно обогащают словарный запас таджикского читателя. Всякий раз, подготавливая новое произведение к печати, С. Улуг-заде прорабатывал его в языковом аспекте. Так, сравнительный анализ второго издания романа «Фирдоуси» с первым свидетельствует о том, что писатель внес заметные коррективы при редактировании произведения, и замена слов и словосочетаний – прямое свидетельство сказанному.

Во второй редакции Сотим Улуг-заде стремился акцентировать внимание и на временных формах глагола (*карда – мекунӣ, кард-мекард*). Сравнивая первый и второй варианты романа «Фирдоуси», мы отметили некоторые дополнения и отдельные сокращения в предложениях, в словосочетаниях и т.д. Так, к примеру:

- **первый вариант:**

«Ман мутакидам, ки шумо ин корро дар ду мох ё дер кашад дар се мох, ба анҷом мерасонед...» [10, с. 89];

- **во втором варианте редакции:**

«Ман мутакидам, ки шумо ин корро камобеш дар ду ё се мох ба анҷом мерасонед...» [11, с. 88].

Здесь в слово «*камобеш*» (более или менее), внесённое в новую редакцию романа, вложен смысл относительности выполнения задачи. Это тот случай, когда во второй редакции наблюдается изменение авторской речи, однако это не влияет на цели, которые подразумевала первоначальная форма выражения мысли писателя. Так, по нашему мнению, хотя предложения:

«Вай ба дехаи худ баргаишта такмилу тасхеҳи асараширо давом дод, ба «Шохнома» боз чанд киссаҳо изофа кард» [10, с. 95]

и:

«Вай ба дехаи худ баргаишта боз «Шохнома»-ро ба даст гирифт, ба асараши якҷанд киссаҳои нав изофа кард» [11, с. 93]

формально отличаются друг от друга, все же они несут единое содержание.

Также, если не учитывать введения слова «*навкар*» во второй вариант, то в строке «... садҳо мулозиму хизматгор дошт» и «...садҳо мулозиму навкарҳо дар хизматаш буданд» при их формальном различии мысль едина.

Нам представляется, что добавление в предложение «*хирад бародари дод аст, чое ки хирад нест – дод нест*» [10, с. 102] новой мысли «*хар ду бо хам таъваманд*» («*Хирад бародари дод аст, чое ки хирад нест, дод аст, хар ду бо хам таъваманд, чое ки хирад нест, дод нест*») [11] неоправданно, ибо оно не вносит дополнений в содержание и не работает на его совершенствование.

Также считаем, что первоначальная мысль автора в первом варианте («*қоидаи мадху маддохӣ ҳамин аст*») звучит убедительнее в сравнении с мыслью, выраженной во втором варианте («*Аз азал қоидаи мадху маддохӣ ҳамин аст*»).

Работая над новым вариантом произведения, С. Улуг-заде задался целью отойти от первоначальных пространных словосочетаний и добиться лаконичного выражения мысли. При этом его речь остается предельно приятной для слуха. Как нам кажется, его новаторские искания в языковой сфере не оставляют читателя равнодушным.

Для сравнения обратим внимание на следующее предложение: «*қиссапардозихои бесуд ба дили у нешҳои дарднок мезад*» («*сочинение бессмысленных легенд сильно ранило ему сердце*»), которое в первом варианте романа выглядело несколько затянутым и скучноватым:

«*Мавридхое мешуд, ки вай аз ранҷонидаи падар хуДДори намекард. Писари тундху бо таънаҳои дар бораи «қиссапардозии бесуд» – ба дили у нешҳои дарднок мезад*» [10, с. 93] // «*Временами он не сдерживается, чтобы обидеть отца. Сын грубо ранил его сердце упреками о том, что отец занят сочинением бессмысленных легенд*».

Этот психологический эпизод, в котором изображается душевное состояние отца, вызванное дерзким отношением сына, показался писателю несколько затянутым, повисшим в воздухе. Поэтому во второй редакции он заметно сократил его и придал этим динамику движению чувств и мыслей:

«*Мавридхое мешуд, ки вай аз ранҷонидаи падар хуДДори намекард. Писари тундху бо таънаҳои дар бораи «қиссапардозихои бесуд» ба дили падар нешҳои дарднок мезад*» [11, с. 95].

При доработке романа Сотим Улуг-заде не только внёс изменения в его стилистику и словарную структуру, но и произвёл необходимые, на его взгляд, изменения в пользу характера героя. Так, в первой редакции романа, в главе «Шикоят», когда шейх Гургани прочитал поэту Фирдоуси жалобу ходжи Абдуннаби, имама мечети селения Шодоб, мы читаем:

«*Ихоноти маҳз! Ҳазён, сафсатаи чоҳилона! - шурида гуфт у.- Оё шумо хазрат ба ин сафсатаҳо бовар кардед?*» [10, с. 18] // «*Прямая ложь! Бред, глупое вранье! - в ярости сказал он. – Неужто вы, господин, поверили в эти бредни?*».¹

В этом ответе поэта сегодняшний читатель не получает информации о характере имама Шодоба.

Во второй редакции романа С. Улуг-заде изменил этот момент, и характеристику шодобского имама мы получаем со слов самого Фироуси:

«*Ихоноти маҳз! Ҳазён, сафсатаи чоҳилона! - шурида гуфт у.- Игво, фитна, шуру шар пешаи ин шахс аст. Ў дар ҳама ҷо аз ман бадғӯи мекунад: банда медонам ва шояд хазратам низ беҳабар набошанд, ки бо ин гуна тухматҳо дар ҳаққи банда мардумро бар ман мешуронанд. Мақсадаи ҷуз ба динтаноҳи ном баровардану ба мансаби баландтари диния расидан нест. Оё шумо ба ин, - Фирдавсӣ дар ҳоли изтироб бо ангуштонаи ба пораҳои варақи пошхӯрда шиора кард, - ба ин сафсатаҳо бовар кардед?*» [11, с. 23] // «*- Прямая ложь! Бред, глупое вранье! – в ярости сказал он. – Наговор, клевета характерны для этого человека. Он везде злословит меня: я знаю об этом, и, возможно, мой господин тоже знает, что подобными клеветническими словами в мой адрес он настраивает народ против меня. У него только одна цель - добиться высокого положения в обществе. Неужто вы, - Фирдоуси в глубоком волнении указал пальцем на обрывки бумаг, валявшихся на полу, - поверили в этот бред?*».

¹ Здесь и далее дан подстрочный перевод автора статьи.

Попытаемся на конкретных примерах показать поправки, которые автор внес в произведение.

Первая редакция романа начинается с изображения родины Фирдоуси - города Туса и его географического расположения, однако, обращаясь к новой редакции, мы обнаруживаем, что С. Улуг-заде предваряет роман отрывками из главы «Ночь созидания» («Шабн эход») [11; 10], что вполне оправдано. Этот отрывок исполняет роль своеобразного поэтического введения ко всему роману. В ней писатель повествует о рождении «Шахнаме» - величественного здания, подобие которого редко встречается в мировой литературе. Затем Улуг-заде знакомит читателя с историей родины Фирдоуси, и, хотя этот эпизод во многом созвучен с первым вариантом, однако в нем наблюдается ряд подробных уточнений и серьезная конкретизация мыслей. Так, например, в первой редакции мы читаем:

«Шаҳр аз пайвасти ду шаҳраки самти шарқию гарбӣ ба ҳам омада буд, зодгоҳи Абулқосими Фирдавсӣ деҳаи ҳамсои Шодоб ва бошишигоҳаи деҳаи Бож буд: ин деҳа дар пушти дарвозаи Разон буда ва боғистонаи ба он дарвоза мепайваस्ताаст. Обову аҷдоди шоир низ дар Бож ва Шодоб зистаанд. Онҳо деҳқонон - мулкдорони калон будаанд, ки дар Эрони пеш аз ислом табақаи ҳукмрон ҳисоб меёфт. Аҳли ин табақа озодон номида мешуд ва асилзодагон ба шумор мерафтанд. Дар замони ҳокимияти араб ин табақа аз нуфузи сиёсӣ иқтисодии худ маҳрум гардид. Аҷдоди шоир ва худи вай дар ин давра аз мақоми тавонгари фуromaда ба мулкдорони хурд табдил ёфта буданд» [10, с. 5-6] //
«Город брал начало из слияния двух маленьких поселений городского типа, расположенных на Востоке и Западе, родиной Фирдоуси было соседнее селение Шодоб, а постоянным местом жительства - село Бож; это селение располагалось за воротами Разон, сады которого соединялись с этими воротами. Предки поэта тоже были выходцами из селений Бож и Шодоб. Они были диканами – крупными землевладельцами, которые в доисламском Иране считались элитной (правлящей) прослойкой. Представители этой прослойки назывались свободными и считались аристократами. Во времена арабского правления этот класс был лишен политического и экономического авторитета. Предки поэта и он сам, лишившиеся к этому времени прежнего могущества, превратились в мелких правителей».

В новой редакции:

«Шаҳр аз пайвастанӣ ду шаҳрак, яке аз самти шарқӣ ва дигар аз самти гарбӣ, пайдо шуда буд: яке аз дарвозаҳои он шаҳр аз Тобирон ба суи деҳқадае, Расон ном, бозмегардид ва дарвозаи Расон ном дошт: аз беруни дарвоза боғистони деҳаҳои Шодоб ва Боч шуруъ мешуд. Ин ду деҳаи хушманзари пурдолу дарахт дар наздикии ҳамдигар воқеъ шуда, аввали зодгоҳи Фирдавсӣ ва дуввуми бошишигоҳи у буданд. Обову аҷдоди шоир низ дар ин деҳқадаҳо зистаанд. Онҳо аз ҷумлаи озодон - асилзодагон ва мулкдорони калон будаанд. Исми деҳқон ба ҳамин қабил мардумон мансуб будааст. Деҳқонон аз замони қадим табақаи ҳукмрон будаанд, вале айёми ҳокимияти араб нуфуз ва иқтисодии сиёсӣ иқтисодии торафт мекоस्ताастион, дар натиҷа дар ин давра аҷдоди шоир ва баъдан худи ӯ низ аз мақоми тавонгари фуromaда ба хурд табдил ёфта буданд, мулкдороне, ки даромади мулкашон ба маоши зиндагиашон базӯр кифоя мекард». [11, с. 6] //
«Город образовался из слияния двух городков, расположенных в восточной и западной части; одни из ворот города Табирон выходили к селению Расон и носили такое же название: за воротами простирались сады селений Шодоб и Бож. Эти два утопающих в садах селения располагались по соседству друг с другом, первое из которых было местом рождения, а второе - местом проживания Фирдоуси. Предки поэта также жила в этих селениях. Они относились к кругу свободных (озодон) –

аристократов и крупных землевладельцев. Название «дихканин» напрямую относится к этому кругу людей. Дихкане издревле относились к правящей прослойке, однако во времена арабского правления они постепенно потеряли прежнюю политическую и экономическую мощь, в итоге в этот период предки поэта, а впоследствии и он сам, превратились в мелких правителей, доходы которых с трудом обеспечивали их существование».

Во второй части романа С. Улуг-заде добавил диалог Фирдоуси и его жены Фатимы о женитьбе их сына Хушанга, которого не было в первой редакции [11, с. 8-9]. Между поэтом и его супругой происходит диалог – это новшество во втором варианте редакции, где Фатима-бану проявляет себя как женщина гордая, утончённая, умеющая выразить своё мнение и недовольство затеей мужа, и в то же время как супруга, понимающая поэта и не желающая оставаться в стороне от его проблем.

В эту главу писатель добавил и другой диалог, происходящий между поэтом и сыном, которого не было в первоначальном издании книги. Это добавление весьма оправданно, ибо вносит ясность в характеристику персонажей романа и обладает рядом черт воспитательного характера [11, с. 10-11]. После этих диалогов тоска и уныние охватывают Фирдоуси. Жена успокаивает его и даёт обещание, что поговорит с Хушангом. Однако в первой редакции романа эта беседа матери с сыном остается нераскрытой. Возможно, поэтому С. Улуг-заде добавляет следующий весомый отрывок, где супруга поэта пытается принять участие во взаимоотношениях между отцом и сыном:

«Чӣ ситеза мекунӣ Хушанг?.. Беодобӣ кардӣ. Ба кӣ? Ба падар. Падари меҳрубоне, ки ба фарзандонаш ин қадар ғамхор аст ва меҳоҳад ўро аз ношоистагиҳову хатохо барҳазар кунад. Ту, агар ки хоҳӣ одами хуб шавӣ, бофазлу одоб шавӣ падаратро ба гуши хуш шунавӣ ва пандашро бигирӣ. Охир мардумон хар як сухани ҳоким Фирдавсиро хамчун панду ҳикмати гаронбаҳо ба лавҳи хотир менависонанд, аммо писари худаш ўро меранҷонад. Онҳо дар бораи ту чӣ хоҳанд гуфт? Худат медонӣ, чӣ хоҳанд гуфт? Айб аст. Ҳоло бирав, аз ў узр бихоҳ, тавба кун, бирав.

-Ҳоло на, - сар тофт Хушанг.

-На, на, - исрор кард модараш, - акнун бирав қудрати хотираширо рафъ кун. Хушанг ночор баромада ба боғ равон гардид.

Шоир наси мизи насти фарохи худ нишааста ва гарқи хаёл буд, шояд меандешид, ки назми достони тозаеро чӣ тавр шуруъ кунад ё идомаи достони нештар ба қалам гирифташиро чӣ тавр нависад. Ё балки дар бораи писараш ва рафтору кирдори ў фикр мекард. Хушанг дар дами дар истоду рӯяширо ба як сӯ гардонида гуфт:

- Беадабӣ кардам, бобоҷон, бахшоиши меҳоҳам.- Фирдавсӣ сар боло карда ба ў нигарист:

-Пушаймон шудӣ?

-Пушаймонам, - ба замин нигариста гуфт ҷавон.

-Мебахшам, агар қавл диҳӣ, ки дигар ба ҷои дарсхонӣ ҳарифбозӣ намекунӣ.

-Қавл медиҳам, - гуфт Хушанг» [10; 11] // «Что ты кипятишься, Хушанг... Ты проявил невоспитанность. И по отношению к кому? К отцу. К отцу, который только и делает, что заботится о своем сыне, думает, как бы оградить его от очередных ошибок. Если ты желаешь стать хорошим человеком, обрести уважение и авторитет, то должен прислушиваться к наставлениям и добрым советам отца. Люди внимлиют каждому слову хакима Фирдоуси как мудрым словам пророка, в то время как собственный сын обижает его. Что они могут подумать о тебе? Ты знаешь, что скажут люди? Стыдно. Сходи к нему и попроси прощения, покайся. Иди.

- Не сейчас – отказался Хушанг.

- Нет, нет, - настаивала мать. – Отправляйся сейчас же, развея его печаль и обиду.

Хушангу ничего не оставалось, как встать и выйти в сад. Поэт сидел за низеньким столиком, всецело уйдя в размышления. Возможно, что в этот момент он думал о том, с чего начать новый дастан – поэму или как продолжать начатую ранее. Или, быть может, он был поглощен думами о сыне и его поступках. Хушанг остановился у порога и, глядя в сторону, сказал:

- Отец, я проявил невоспитанность, прошу прощения, – Фирдоуси поднял голову и посмотрел на него:

- Раскаиваешься?

- Раскаиваюсь, - глядя в землю, ответил юноша.

- Я прощаю тебя, но при условии, что ты дашь слово не заниматься ненужным времяпрепровождением вместо того, чтобы учиться.

Обещаю, – сказал Хушанг».

Эту же главу С. Улуг-заде дополняет двумя новыми отрывками [11, с. 28-29, 30], которые касаются поэта Хамдуллаха Найсони и помогают более ярко раскрыть его характер.

Следующее, более объемное дополнение, касающееся Найсони [11, с. 62-65], следует за главой «Хусейн Кутайба». В этой части повествуется о том, как поэт Найсони был изгнан со службы у казия и по совету Фирдоуси приступил к профессии учителя. Тут автор изображает Фирдоуси справедливым и деятельным человеком, нацеленным на добрые деяния. Наблюдаются незначительные дополнения в главах «Причины приглашения» [11, с. 89], «Беседа с визирем» [11, с. 100, 103], «Путешествие» [11, с. 104]. Словом, первая часть романа была подвергнута значительным изменениям. В этой же части наблюдается отказ писателя от первоначальных мыслей и идей. Другие главы первой части романа «Фирдоуси», а также все главы второй части, за исключением незначительных редакторских изменений, остались в первоначальном варианте.

Таким образом, в новой редакции, после ряда добавлений и изменений, в тексте произошло слияние в одну главу глав «Ночь созидания» и «Сельские жители», что позволило автору заметно откорректировать и усовершенствовать эту часть романа.

В первую редакцию книги С. Улуг-заде поместил отрывок под названием «Клевета («Игво»)), в которой повествуется о поддельной причастности Фирдоуси к учению мутазиликов и карматов, что было весьма опасно для его жизни. Привлекает внимание добавление, которое вносит автор романа в описание желания Найсони совершить путешествие в Шодоб вместе с Фирдоуси.

В главе «Шоири ноком» рассказ о Найсони переходит от прямого повествования к пересказу от лица самого героя. К тому же, если в первой редакции этот поэт-неудачник обвиняет в своих бедах только имущих, то во второй редакции Найсони старается быть более объективным: он признается в своих недостатках, и тем самым автор романа старается более подробно раскрыть образ поэта. Для этого он использует рассказ самого Найсони, речь которого богата пословицами.

Глава о Найсони сокращена до минимума и значительно перемещена вперед, что больше соответствует логическому ходу действия романа. Если в первой редакции писатель придал встрече Фирдоуси с Найсони характер оказанного благодеяния, то во второй редакции автор решает этот вопрос более реалистично. На примере того, как в первой редакции Фирдоуси пытается помочь поэту – неудачнику с женитьбой и устройством на службу (женитьба на Равшан и одиночество поэта в этом деле,

устройство Найсони в школу для подростков, денежный подарок казия на свадьбу и т.д.), наблюдается поиск писателя в стремлении обогатить образ Фирдоуси.

Таким образом, С. Улуг-заде наделяет своего героя положительными качествами, такими как доброта и забота о ближнем. Мы несколько не сомневаемся в наличии таких качеств у великого гуманиста, писавшего о Добре и Зле. Здесь автор более практичен: он оставляет за читателем право на фантазию. Образ Найсони противоположен Фирдоуси и должен послужить для того, чтобы шире раскрыть образ главного героя. Взять хотя бы рассказ поэта-неудачника: окончив медресе, он не нашел место, которое бы обеспечивало его существование: из-за несдержанного языка его гнали отовсюду, стараясь поскорее избавиться. Этот порок настолько вжился в него, что порой он забывал о почтении к знатым людям. Найсони пытался заработать сочинением панегириков в честь богачей и сановников, но превозносимые им богачи редко баловали его дорогими подарками. И, узнав о том, что правитель Туса щедро одаривает за такую работу, Найсони пешком спешит сюда из Нишапура. Но при дворе ему не везет: правитель на неизвестное время уехал в Бухару. Из жалости один из слуг правителя посоветовал ему попроситься на службу к казию. После долгого ожидания и унижений поэт-неудачник наконец попадает на службу к казию. И после всего рассказанного Найсони извлекает из засаленного рукава похвалу, написанную в честь эмира.

После чтения касыды между Найсони и Фирдоуси происходит интересный диалог, который тоже очень помогает в раскрытии их характеров и жизненных принципов. Фирдоуси задает вопрос:

«...Фаразан из шумо нурсад, ки ту маро нахустин бор мебини, пештар боре мусохиби ман нашудаи, корафтода нашудаи, аз кучо медони, ки ман мавхари хирад ва кони химматам, ё ба фазл мувафакат ва ба илм ягонаам, ё ба адл бузурги даврон ва ба куввати Рустами замонам?» [11, с. 62-65] // «...Допустим, у вас спросят: «Ты же меня никогда раньше не видел, не беседовал со мной, встречаться нам не приходилось, так откуда же тебе известно, что я полон добра и мудрости, и величие и храбрость мою превозносишь до уровня Рустама?»».

Найсони отвечает на подобное замечание, что ему безразлично, обладает ли эмир такими качествами или нет, главное - получить вознаграждение. Такой ответ говорит о беспринципности этого человека. Гордость Фирдоуси не позволила ему принять такой принцип существования даже при тяжелых условиях жизни, о чем в романе повествуется в дальнейшем. Резко противопоставляя эти два характера, С. Улуг-заде в то же время старается дать оправдывающее объяснение положению таких поэтов, как Найсони, губящих свой талант ради похвал в честь вельмож. Нужда, именно нужда заставляет людей жить таким образом, пытается писатель повисить их человеческое достоинство.

Несмотря на то, что во второй редакции книги автор отказывается от намерения приписать Фирдоуси затею женить Найсони, устроить его жизнь, т.е. писатель отказался от детального перечисления всех действий своего героя, все же он оставляет за поэтом право участвовать в судьбе Найсони. И через вопрос, заданный поэтом самому себе: «Как помочь ему, чем поддержать?» – Улуг-заде дает читателю понять, что у Фирдоуси возникло намерение проявить заботу о друге. И тут уже должен сработать интеллект самого читателя, его мысль, ради чего писатель и пытается исключить из романа 64-ю страницу из первой редакции [10].

В первой редакции книги глава «Игво» - «Травля» в основном повествует о том, как жена поэта, побывав в Шодобе, услышала из уст Бибихолиды – жены шодобского имама, обвинение в адрес Фирдоуси. Обвинение было серьезным, что вызвало у поэта настороженность, касающуюся позиции духовенства по отношению к нему. Поэтому он

решил пожаловаться шейху на недостойное поведение шодобского имама - ходжи Абдуннаби, который и был его обвинителем. Рассказ короткий, и сюжет его очень прост. Но после долгих раздумий С. Улуг-заде не согласился с таким вариантом и решил усложнить обстоятельства: он прекрасно понимал, что рассказ носит только информационно-описательный характер, говорящий об отношении религии к поэту-сочинителю легенд об «огнепоклонниках и дивах» и об обвинении поэта Фирдоуси в карматстве и мунтазилизме. Не мог автор романа показать столкновение гения с неприятелем, человеком, далеким от искусства, таким легким и обычным. Благоразумно ли было Фирдоуси прислушиваться к болтовне какой-то старухи о ереси? Действие рассказа казалось несложным, и писатель решает разнообразить второй вариант. Он вводит в рассказ того самого Найсони, который к тому моменту уже служил у казая и теперь мог достоверно знать обо всем. Только после сообщения Найсони о том, что в судебное присутствие ворвалась толпа мулл и учащихся медресе с воплями и требованиями привлечь Фирдоуси к суду за его «Шахнаме» и что подстрекал их на это ходжа Абдуннаби, поэт решил посетить шейха.

Во второй редакции романа автор не отделяет главу «Игво» («Травля») от предыдущей, как это было сделано им ранее, а логически излагает все события в одном цельном рассказе. Во второй редакции отсутствует заглавие «Шикоят» («Жалоба»): её содержание продолжает главу «Игво».

Итак, поэт на приеме у шейха. Была ли изменена эта часть романа? Да, но частично. Основное дополнение – это мнение поэта о шодобском имаме, высказанное в разговоре с шейхом в резкой форме [11, с. 36]. Во всем остальном глава переходит во вторую редакцию в неизменном виде. Но вслед за исчезновением названия «Шикоят» («Жалоба») исчезает и название следующей главы – «Бахс бо имом» («Спор с имамом»), что, думается, является неудачным изменением. Сюжет главы «Бахс бо имом» («Спор с имамом») имеет дистанцию во времени с сюжетом предыдущего рассказа. Действие предыдущей главы происходит в Тусе, а главы «Бахс бо имом» - в Шодобе, куда поэту еще только предстоит поехать, потратив время на дорогу, на раздумья, на сборы и на связанные с ними раздражение или решительность, а может быть, торопливость. Но разделение этих глав необходимо. К тому же поэт, не полагаясь на обещание шейха воздействовать на имама, решил сам проучить его и сделать это при свидетелях. Это очень серьёзное решение, и затенить эффект от него другими событиями вряд ли было правильно, тем более если писатель уже взял за основу композиции разделение романа на отдельные рассказы. Такое сгущение конфликтов в одном рассказе несколько ослабляет динамику развития действия в других главах.

Говоря о размерах глав, следует отметить, что они заметно увеличены. Вместо простого повествования о том, как поэт собрался на следующий день в Шодоб, взяв с собой Абу Дулафа, во второй редакции усиливается образное изложение событий и каждый персонаж прямо или косвенно оказался участником начинающегося события, что заметно активизировало действие.

Таким образом, сравнение двух вариантов романа «Фирдоуси» позволяет сделать вывод о том, что введение поправок в роман сделано с целью конкретизации и детализации его образов, в том числе поэта Найсони, самого Фирдоуси и членов его семьи. Вот почему исследователям при анализе произведения С. Улуг-заде следует обращаться к его новой редакции.

В новой редакции наглядно прослеживается мастерство писателя, процесс оттачивания его пера. Он с большой осторожностью и внимательностью работает над музыкой, архитектоникой, звукописью каждого слова с единственной целью: чтобы еще более ярко и точно выразить свою мысль. В этом смысле каждое слово

призвано отразить сущность предмета или проблемы, а это непосредственно связано с наблюдательностью творца, с его художественным видением.

В романе «Фирдоуси» Сотим Улуг-заде стремился использовать литературный язык, но не выпяченный и неоправданно насыщенный, а ровный и доступный по своей точности. Автор избегает многословия, и это особенно хорошо прослеживается в изображении природы, а также в диалогах героев.

Диалоги персонажей романа, как правило, подчеркивают душевное состояние героев, выявляют их помыслы и деяния. Хотя если взять другие произведения писателя, то в этом романе диалоги можно считать более продолжительными.

Художественный вкус – именно то, что отличает одного писателя от другого при восприятии явления жизни. Вкус как таковой меняется крайне медленно и то лишь, как правило, в незначительных деталях. Как это происходит, лучше всего заметно при сравнительном анализе нескольких редакций одного и того же произведения.

Можно было бы привести еще множество примеров и прокомментировать каждый из них в плане выбора слов, словосочетаний, использования различных оборотов, ломки структуры предложения, но думается, что эта своеобразная таблица может служить наглядным примером работы писателя над текстом:

Редакция 1988 года	Редакция 1991 года
«... аз «чаканафурӯшӣ» - и асараш ор кард» (с. 72)	«... аз «чаканфурӯшӣ» - и асараш ор мекард» (70)
«... иззати нафси шоир қабул намекард» (с. 73)	«...иззати нафси шоир намебардошт » (71)
«... аҳволи танги шоирро маълум мекунад» (с. 73)	«... тангдастии шоирро маълум мекунад» (71)
«... ин фақат як меҳмони одди нест, хоча » (с. 73)	«... ин фақат як меҳмони оддӣ нест, мавлоно » (71)
«-Ҳарчи сафаратонро қарз мекунед, ҳазрат » (с. 74)	«- Ҳарчи сафаратонро қарз мекунед, устод » (72)
«Аз ин гуфтугӯ панҷ моҳ гузашт» (с. 74)	«- Аз ин гуфтугӯ якчанд моҳ гузашт» (72)
«... садҳо мулозиму хизматгор дошт » (с. 75).	«... садҳо мулозиму навкархо дар хизматаш буданд » (73)
«... дар шифти баландаш чилчароғи булӯрин овезон» (с. 76)	«... дар сақфи баландаш чилчароғи булӯрин овезон» (74)
«Маёзор мӯре, ки донакаш аст, ки чон дораду чони ширин хуш аст» (с. 84).	«Маёзор муре, ки донакаш аст, ки чон дораду чон ба хар тан хуш аст» (83)
«Сабаби даъвати Фирдавсӣ ба Бағдод аз тарафи Азкофӣ вобаста ба як нақшаи ноиб буд» (с. 84)	«Сабаби даъвати Фирдавсӣ ба Бағдод аз тарафи Аскофӣ марбут ба як нақшаи ноиб буд» (83)
«... балки дар ин мулки қадими Эрон низ хотима доранд» (с. 87)	«... балки дар ин мулки бостонии Эрон низ хотима доранд» (с.85)
«Вай ба деҳаи худ баргашта такмилу тасхеҳи асарашро давом дод: ба «Шоҳнома» боз якчанд қиссаҳо изофа кард » (с. 95).	«Вай ба деҳаи худ баргашта боз «Шоҳнома» - ро ба даст гирифт. Ба асараш якчанд қиссаҳои нав изофа кард » (с. 93)
«... таънаҳо бикунанд » (с. 97)	«... таънаҳо бизананд » (97)

<p>«Хирад бародари дод аст, чое ки хирад нест, дод нест» (с. 98).</p> <p>«Қоидаи мадху маддохи ҳамин аст» (с. 100)</p> <p>«Ба интихоби ҳар дине, ки хоҳанд ихтиёр доштани инсонхоро пеш кашид» (с. 102)</p> <p>«Дар нигориши дуввуми китоби вай ин мисраҳо пайдо шудаанд» (с. 102)</p> <p>«... ба шоҳи Эрон мефиристонданд, ки яъне ба ҷои ҷанг рӯи тахтаи хираду ҳикмат рақобат кунем, бехтар аст» (с. 103)</p> <p>«Аҷиб ин ки Фирдавсӣ фикрҳои дар боло зикрфтаашро дар бораи Ҳиндустону мардуми он дар вақти баён мекунад, ки «Шоҳнома» - ро нияти ба султон тақдим намудан дошт /.../»(с. 103).</p>	<p>«Хирад бародари дод аст, ҳар ду бо ҳам тавъаманд, чое ки хирад нест, дод нест» (с.97)</p> <p>«Аз аввал қоидаи мадху маддохи ҳамин аст» (с.98)</p> <p>«... ба интихоби ҳар дине, ки хоҳанд ихтиёр доштани ҳалқхоро пеш кашид» (с.100)</p> <p>«Дар тахрири нави китоби вай ин мисраҳо пайдо шуданд» (100)</p> <p>«... ба шоҳи Эрон тӯҳфа мефиристонданд, маънои тӯҳфа магар ин набуд, ки биёед бо ҳам ба ҷои ҷанг рӯи тахтаи хираду ҳикмат рақобат кунем» (101)</p> <p>«Қомили тавваҷҷух, ки Фирдавсӣ фикрҳои дар боло зикрфтаашро дар бораи Ҳиндустон ва дину мазҳабҳо дар вақти баён мекунад, ки «Шоҳнома»- ро нияти ба султон тақдим намудан дошт» (101)</p>
--	--

В заключение нашего небольшого критического анализа отметим, что, как и в первой редакции, так и во второй С. Улуг-заде не изменил основного содержания и направленности романа, и изменения, внесённые во вторую редакцию, не отразились на основном идейном содержании и художественных особенностях произведения.

Список использованной литературы:

1. Айни, С. *Смерть ростовщика* [Текст]: Повести. Пер. с тадж. - Сталинабад: Таджикгосиздат, 1952. - 255 с.
2. Бозоров М., Бозоров Т. *Наири нави повести «Марги судхур» // Тоҷикистони Советӣ. 1953. 3 июн.*
3. Егоров, Б.Ф. *О мастерстве литературной критики: Жанры. Композиция. Стилль / Б. Егоров. - Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1980. - 318 с.*
4. Каландаров, Н. А. *Из истории эволюции текста повести С. Айни «Смерть ростовщика» (опыт текстологического исследования): диссертация ... канд. филол. н.: 10.01.08 / Каландаров Навруз Ахмарович; [Место защиты: Таджикский национальный университет]. - Душанбе, 2004. - 167 с.*
5. Кучаров А. *Таърихи матни кассаи «Марги судхур».* - Масъалаҳои матнишиносии адабиёти тоҷик. - Душанбе: Маориф, 1994. - С.48-71.
6. Кучаров, А. *Текстологические и художественные особенности повести С. Айни «Одина»: Опыт текстол. анализа / А. Кучаров; Отв. ред. С. Ш. Табаров. - Душанбе: Дониш, 1982. - 146 с.*
7. Лотман, Ю. М. *Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман. - М.: Искусство, 1970. - 384 с.*
8. Новиков, Л. А. *Художественный текст и его анализ / Л. А. Новиков. - М.: Рус. яз., 1988. - 300 с.*
9. Салох С. *Ду тахрири кассаи «Марги судхур».* - Чашномаи Айни, I.V. - Душанбе: Дониш, 1978. - С.78-86.
10. Улугзода, С. *Фирдавсӣ / Сотим Улугзода. - Душанбе: Адиб, 1988. — 268 с.*
11. Улуг-заде, С. *Фирдоуси: Роман / Сотим Улуг-заде. - Душанбе: Адиб, 1991. - 252 с.*

12. Ходжаева, М.Ю. Проблемы индивидуального стиля и стилевых течений в современной таджикской прозе 70 - начала 90-х годов: автореферат дис. ... д-ра филол. н.: 10.01.03 / Ин-т языка и лит-ры. - Душанбе, 1995. - 50 с.
13. Шарифов, Х. Достони Фирдавсии шоир // Дар китоби Худой Шарифов. Озурдагон ва умедворон: Душанбе: Сино, 2001. - с. 136-150.
14. Шукуров, М. Пахлӯҳои тадқиқи бадеӣ (Баъзе масъалаҳои адабиёти ҳозираи тоҷик): Маҷмӯаи мақолаҳо / М. Шукуров. - Душанбе: Ирфон, 1976. — 272 с.
15. Якобсон, Р. О. Работа по поэтике [Текст] / Роман Якобсон; сост. и общ. ред. М. А. Гаспарова; вступ. ст. В. В. Иванова. - Москва: Прогресс, 1987. - 460 с.

Reference Literature:

1. Aini S. *Death of the Usurer: Narratives: translation from Tajik*. - Stalinabad: Tajik State Publishing-House, 1952. - 255 pp.
2. Bozorov M., Bozorov T. *The New Edition of the Narrative "Death of the Usurer" // Soviet Tajikistan*. 1953, June 3.
3. Yegorov B.T. *On Literary Criticism Mastership: Genres. Composition. Style // B.T. Yegorov*. - L.: Soviet Writer: Leningrad Department, 1980. - 318 pp.
4. Kalandarov N.A. *From the History of the Text Evolution Concerning S.Aini's Narrative "Death of the Usurer" (experience of textological exploration). Synopsis of candidate dissertation in philology: 10.01.08 // Kalandarov Navruz Ahmarovich; (The place of defence: Tajik National University) - Dushanbe, 2004. - 167 pp.*
5. Kucharov A. *The History of the Text of the Narrative "Death of the Usurer". The Issue of Tajik Literature Textology*. - Dushanbe: Enlightenment, 1994. - pp. 48 - 71.
6. Kucharov A. *Textological and Artistic Peculiarities of S.Aini's Narrative "Odina": Experience of Textological Analysis // A. Kucharov; editor-in-charge S.Sh.Tabarov*. - Dushanbe: Knowledge, 1982. - 146 pp.
7. Lotman Yu.M. *The Structure of Belles-Lettres Text // Yu.M. Lotman*. - M.: Art, 1970. - 384 pp.
8. Novikov L.A. *Belles-Lettres Text and its Analysis // L.A. Novikov*. - M.: Russian Language, 1988. - 300 pp.
9. Saloh S. *Two Recensions of the Narrative "Death of the Usurer". Jubilee Collection Dedicated to Aini. Volume 1*. - Dushanbe: Knowledge, 1978. - pp. 78 - 86.
10. Ulugzoda S. *Firdawsi // Sotim Ulugzoda*. - Dushanbe: Man-of-Letters, 1988. - 268 pp.
11. Ulugzoda S. *Firdawsi: Novel // Sotim Ulugzoda*. - Dushanbe: Man-of-Letters, 1988. - 252 pp.
12. Khodjayeva M.Yu. *The Problems of Individual Style and Style Trends in Modern Tajik Prose of the 70-ies - the Beginning of the 90-ies. Synopsis of Doctoral dissertation in philology: 10.01.03 // The Institute of Language and Literature*. - Dushanbe, 1995. - 50 pp.
13. Sharifov Kh. *The Narrative about Firdawsi as a Poet // In the books by Khudoy Sharifov "The Humiliated not Losing Hopes*. - Dushanbe: Sino, 2001. - pp. 136 - 150.
14. Shukurov M. *An Aspect of Belles-Lettres Analysis (Some Issues of Modern Tajik Literature: Collections of Articles // M.Shukurov*. - Dushanbe: Cogntion, 1976. - 272 pp.
15. Yakobson R.O. *The Work on Poetics (Text) // Roman Yakobson; compilation and general editorship by M.A. Gasparov; introductory article by V.V. Ivanov*. - M.: Progress, 1987. - 460 pp.